

ПРЕПРИНТ

«Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления¹

М.В. Ларионова

Ларионова Марина Владимировна – д. полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 119034, Российская Федерация, Москва, Пречистенская наб., 11; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Возникновение новых институтов в ответ на системные уязвимости, стратегическую трансформацию влияния государств в мировой экономике и медленные темпы реформирования существующих институтов вызвало бурную дискуссию в отношении роста количества институтов и сопровождающей его фрагментации глобального управления. Однако фрагментация не означает снижения спроса на глобальное управление или его эффективности. Напротив, она может приносить выгоды, будучи позитивной и креативной [Acharya, 2016].

Несмотря на существенные различия своих миссий и коллективной идентичности, «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС играют важную роль в повышении инклюзивности, легитимности и эффективности глобального управления. Отличительными чертами трех институтов являются практика проведения встреч на высшем уровне, принцип добровольности исполнения решений, признание роли основных развивающихся стран в мировом экономическом росте, глобальном и региональном управлении, высокая интегрированность в систему международных институтов и активное взаимодействие с международными организациями.

Это взаимодействие напрямую не решает проблем, связанных с фрагментацией, но стимулирует разделение труда, которое снижает риски фрагментации и конкуренции, способствует росту координации, согласованности, подотчетности и эффективности в глобальном управлении.

В настоящей статье рассматривается взаимодействие «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с международными организациями в рамках выполнения ими функций глобального управления, включая обсуждение, определение направлений коллективных действий, принятие решений, их исполнение и развитие глобального / регионального управления.

Аналитической основой исследования является теория рационального выбора институционализма. Оно опирается на количественный и качественный анализ документов, принятых «Группой двадцати», БРИКС и АТЭС, для выявления динамики и определения предпочитаемых ими моделей взаимодействия с многосторонними организациями.

Статья начинается с краткого описания роли «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС в системе глобального управления. Затем представлены аналитическая парадигма и

¹ Статья поступила в редакцию в сентябре 2017 г.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Модели взаимодействия международных институтов в процессе осуществления многостороннего управления в сферах макроэкономической политики, финансового регулирования, международной торговли и инвестиций», проект № 15-07-00022.

методология исследования. На основе этой методологии проверяется ключевая гипотеза о том, что неформальные институты высшего уровня могут прибегать к сочетанию моделей «каталитического воздействия», «ядра, влияющего на систему» и «параллельного управления» при взаимодействии с международными институтами, причем выбор отражает их миссию и роль в системе этих институтов, которые могут меняться со временем. Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС последовательно взаимодействуют с международными организациями, но спектр этих организаций, интенсивность, динамика и модели взаимодействия существенно различаются.

«Группа двадцати», ключевой форум экономического сотрудничества, действующий на основе консенсуса, стремится «выполнить обещание содействовать большей согласованности в системе институтов глобального управления» [Narlikar and Kumar, 2012, p. 389] и создать новую форму институционального коллективизма. «Двадцатка» превосходит БРИКС и АТЭС по количеству упоминаний международных организаций, интенсивности и масштабам взаимодействия. Она использует все три модели, взаимодействуя с ключевыми партнерами (МВФ, СФС, ОЭСР, Всемирным банком, ВТО и МОТ) в основном в качестве «ядра, влияющего на систему», по всему спектру функций глобального управления от обсуждения до исполнения решений. БРИКС, представляющий новую силу в глобальном управлении, стремится трансформировать мировой порядок на благо людей внося конструктивный вклад в определение правил игры [Duggan, 2015, p. 11]. БРИКС последовательно выступает в качестве катализатора, стимулирующего, одобряющего, побуждающего и поддерживающего изменения ООН, МВФ и Всемирного банка, а также ВТО и создающего собственную институциональную систему. АТЭС как главный региональный экономический форум и инструмент участия Азиатско-Тихоокеанского региона в решении глобальных проблем [Morrison, 2014, p. 2], продвигает повестку инклюзивного роста на региональном и глобальном уровнях. Эта двойственность целей проявляется в выборе партнеров для взаимодействия: десять ключевых партнеров АТЭС включают как глобальные, так и региональные международные организации. АТЭС способствует интеграции региональной и глобальной повестки дня, обеспечивает координацию между региональными и многосторонними институтами и усиливает их взаимное влияние.

«Группа двадцати», БРИКС и АТЭС, каждый по своему, способствуют росту координации в глобальном управлении. Определенно необходимо дальнейшее повышение согласованности и эффективности взаимодействия многосторонних институтов. Однако наличие предпосылок для снижения фрагментарности и конкуренции – хорошая новость, позволяющая с надежной смотреть в будущее глобального управления.

Ключевые слова: «Группа двадцати», БРИКС, АТЭС, глобальное управление, международные организации, модели взаимодействия

Для цитирования: Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления//Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1 (препринт). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01.

Контекст

Возникновение новых институтов на фоне глобального экономического кризиса вызвало бурную дискуссию в отношении роста количества институтов и сопровождающей его фрагментации глобального управления. Действительно, учитывая влияние этих процессов

на «признание, авторитет и легитимность глобальных многосторонних институтов, которые стали основой послевоенной системы глобального управления», неопределенность и беспокойство относительно будущего глобального управления среди его традиционных сторонников сопровождаются беспокойством о будущем либерального международного порядка и традиционной системы глобального управления [Acharya, 2016, p. 453].

Однако появление новых многосторонних институтов стало ответом на системные уязвимости, структурные изменения (стратегические трансформации могущества стран) в мировой экономике и медленные темпы реформирования существующих институтов, требующих коллективных действий для развития «политики инклюзивности, в которой широкий круг ключевых заинтересованных стран вовлечен если не в принятие решений и разделение власти, то как минимум в институциональный процесс формирования консенсуса» [Weeson and Bell, 2009, p. 73]. Фрагментация не означает снижения спроса на глобальное управление, напротив, креативная фрагментация «отражает растущий спрос на новые принципы и подходы к управлению усложняющимся миром, отличительной чертой которого является распространение транснациональных вызовов и диффузия идей, акторов и процессов глобального управления» [Acharya, 2016, p. 454]. Рождение новых институтов – попытка создать более инклюзивное сотрудничество, при этом сопровождающая его фрагментарность, безусловно, влечет риски снижения эффективности.

Как в 2011 году отметил Доминик Стросс-Кан, бывший директор-распорядитель Международного валютного фонда (МВФ), «Вашингтонский консенсус сейчас позади. Перед нами стоит задача восстановить основы стабильности, позволить им выдержать испытание временем и заставить следующий этап глобализации работать на благо всех. Эта перестройка включает три основных элемента – новый подход к экономической политике, новый подход к социальному согласию и новый подход к сотрудничеству и многосторонности» [Strauss-Kahn, 2011].

Основным вызовом является трудность достижения эффективной глобальной координации политики, без которой «мало надежд не только на решение насущных глобальных проблем сегодняшнего дня, таких как саморазрушительный характер международной финансовой архитектуры и усиление рисков экологической катастрофы, но даже на сохранение скромных достижений в области демократии и развития последних двух десятилетий» [Öniş and Güven, 2011, p. 471].

«Группа двадцати» и БРИКС были созданы на уровне лидеров в 2008 и 2009 гг. соответственно с целью укрепления сотрудничества, восстановления глобального роста и осуществления реформ, направленных на предотвращение повторения глобального кризиса. «Группа двадцати» была нацелена на сдерживание кризиса, реформирование международной архитектуры (международных финансовых институтов) [G20 Leaders, 2008] и разработку нового глобального консенсуса [G20 Leaders, 2009], то есть выполнение миссии, с которой США и их партнеры по «Группе семи» не смогли справиться без ключевых стран с формирующимся рынком, учитывая их растущую долю в глобальном ВВП, торговле и инвестициях.² Из ведущего форума международного

² По оценкам МВФ, в 2017 году по объему ВВП Китай занимал второе место, уступая только США. Индия, Бразилия, Россия и ЮАР занимали соответственно шестое, восьмое, одиннадцатое и 35 места. Режим доступа: <https://knoema.com/nwnfkne/world-gdp-ranking-2017-gdp-by-country-data-and-charts> (дата обращения: 17.07.2018).

По данным ВТО, в 2016 году Китай занимал 1 и 2 место соответственно по доле в мировом экспорте и импорте товаров, 5 и 2 – в экспорте и импорте услуг. Индия занимает 20 и 14 место по экспорту и импорту товаров, 8 и 10 соответственно – по экспорту и импорту услуг. Россия - 17 и 24 место в торговле товарами, 25 и 18 – услугами. Бразилия – 26 и 28 место по экспорту и импорту товаров, 32 и 21 – услуг. ЮАР

экономического сотрудничества, «двадцатка» превратилась в «хаб глобальной сети» [Kirton, 2013, p. 46-47].

БРИКС, приверженный укреплению сотрудничества, координации политики и политического диалога по вопросам международной экономики и финансов [BRIC Leaders, 2009], стал механизмом развития экономического сотрудничества между странами-членами и содействия реформе международных институтов, направленной на укрепление в них голоса и представительства развивающихся стран и стран с формирующимся рынком [Niu, 2013, p. 1]. Несмотря на замедление экономического роста в некоторых странах-членах, потенциал БРИКС в создании глобальных общественных благ растет за счет расширения и углубления сотрудничества внутри форума, последовательной реализации обязательств, принятых лидерами, и устойчивого роста масштабов операций Нового банка развития (НБР). Усиление институционализации сочетается с взаимодействием БРИКС с международными институтами, включая ООН, МВФ и ВТО, в рамках которых страны-члены координируют и продвигают общие позиции.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), гораздо более старый региональный экономический форум, было создано в 1989 году в качестве площадки для добровольного сотрудничества развитых и развивающихся экономик с общей целью содействия устойчивому экономическому росту в Азиатско-Тихоокеанском регионе посредством либерализации торговли и инвестиций. Деятельность АТЭС по упрощению процедур торговли, регулированию, инвестиционным принципам, экологическим товарам, руководящим принципам для региональных торговых соглашений и продукции ИКТ способствовала ускорению либерализации торговли и инвестиций в регионе. Во многих случаях она вносила вклад в закрепление обязательств в торговых соглашениях в рамках ВТО и на региональном уровне [Independent Commission on Trade Policy, 2017, p. 25]. Это не только помогло сформировать некое общее понимание международных экономических норм и ценностей, но и превратило АТЭС в инструмент участия Азиатско-Тихоокеанского региона в решении глобальных проблем [Morrison, 2014, p. 2]. Хотя АТЭС остается региональным форумом, его роль в эволюции структур глобального управления все больше возрастает [Drysdale, 2010, p. 12].

Деятельность «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС подвергается серьезной критике. Подвергаются сомнению эффективность и легитимность «двадцатки» [Öniş and Güven, 2011, p. 480], а некоторыми авторами ее деятельность и вовсе характеризуется как провальная [Chodor, 2017, p. 205]. Тем не менее, «Группа двадцати» выполняет свое обещание содействовать большей согласованности в системе институтов глобального управления [Narlikar and Kumar, 2012, p. 389]. «Двадцатка» - это новая форма зарождающегося коллективизма – по существу, проявление реляционной гегемонии, существующей внутри института» [Beeson and Bell, 2009, p. 72]. Причем, новая форма институционального коллективизма проявляется не только внутри «Группы двадцати», но и между «двадцаткой» и международными организациями (МО).

Критики БРИКС ставят под сомнение коллективную идентичность форума [Wade, 2011, p. 352], способность создавать позитивную повестку дня, принимать коллективные решения и выполнять обязательства. Они заявляют, что страны БРИКС объединены общими целями по подрыву лидерства США и ЕС [Wade, 2011, p. 358] и бросают вызов архитектуре либерального глобального экономического управления [Duggan, 2015, p. 20]. Тем не менее, страны БРИКС не только координируют свои позиции в рамках

соответственно занимает 28 и 34 место в торговле товарами, 49 и 46 – услугами. Режим доступа: <http://stat.wto.org/CountryProfile/WSDBCountryPFReporter.aspx?Language=E> (дата обращения: 17.07.2018). Доля БРИКС в глобальном потоке входящих ПИИ в 2016 году составила 15,8%. Источник: UNCTAD Statistics. Режим доступа: <http://unctadstat.unctad.org> (дата обращения: 17.07.2018).

международных форумов, но и сформировали собственную согласованную обширную повестку дня, неуклонно увеличивают уровень исполнения обязательств, поддерживают ключевые решения «двадцатки» и «стремятся к более конструктивному и равноправному взаимодействию с западными державами ... для создания лучшего миропорядка в интересах всего человечества» [Niu, 2013, p. 6]. БРИКС представляет новую силу в определении «правил игры» [Duggan, 2015, p. 11]. Группа воспринимается как «концерт великих держав», разделяющих идею легитимности в качестве ключевой ценности при создании и развитии институтов [Skak, 2011, p. 17].

Лидерство АТЭС в глобальной системе, как утверждают критики, «сдерживается политическими и экономическими различиями стран-членов и отсутствием благонамеренного доминирующего государства или коалиции таких государств» [Webber, 2001], а также добровольностью исполнения решений. «Некоторые утверждают, что без институционализации и правовой наднациональной власти, обеспечивающих исполнение государствами-членами обязательств, решения АТЭС – это пустые разговоры. Но если посмотреть на цифры и измерить влияние принятых в рамках АТЭС обязательств на торговые и экономические показатели, форум предстанет в более выгодном свете в сравнении с НАФТА или Европейским союзом, хотя их решения носят юридически обязательный и эксклюзивный характер» [Drysdale, 2010, p. 4]. «Форум АТЭС сформировал культуру конструктивного экономического сотрудничества и диалога, сильно отличающуюся от полного противоречий текущего раунда международных торговых переговоров, о котором мы обычно слышим» [Rudd, 2016]. Подобно «Группе двадцати» и БРИКС, АТЭС играет важную роль в содействии инклюзивному росту и обеспечении преимуществ глобализации для всего человечества.

Отличительными чертами трех институтов являются практика проведения встреч на высшем уровне, принцип добровольности исполнения решений, признание роли основных развивающихся стран в мировом экономическом росте, глобальном и региональном управлении, высокая интегрированность в систему международных институтов и активное взаимодействие с международными организациями. Это взаимодействие повышает легитимность и представительность институтов высшего уровня. Хотя взаимодействие напрямую не решает проблем, связанных с фрагментацией, оно стимулирует разделение труда, которое снижает риски фрагментации и конкуренции, способствует росту координации, согласованности, подотчетности и эффективности в глобальном управлении. Координация и сотрудничество между многосторонними институтами и региональными инициативами позволяют региональному управлению оказывать влияние в международном масштабе и укрепляют потенциал и легитимность глобальных институтов [Kahler, 2017].

В настоящей статье представлен сравнительный анализ взаимодействия «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с международными организациями. В работе проверяется гипотеза о том, что модели взаимодействия неформальных институтов высшего уровня с международными организациями отражают их место и роль в архитектуре глобального управления, которые могут меняться со временем. Анализ опирается на результаты исследования взаимодействия «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с международными организациями, осуществленные ранее [Ларионова, 2017; Шелепов, 2015; Сафонкина, 2017]. Работа выполнена в той же аналитической парадигме [Ларионова, 2016], что обеспечивает сопоставимость полученных данных.

Аналитическая парадигма и методология

Исследование основано на парадигме рационального выбора институционализма. Учитывая ее фундаментальную позицию о том, что государства создают институты, поскольку они осознают выгоды, получаемые в результате выполнения институтами возложенных на них **функций** [Rosamond, 2000, p. 116], данная парадигма может

объяснить создание неформальных институтов высшего уровня, их существование и эволюцию, а также их взаимодействие с международными организациями. Во-первых, такие институты создаются волеизъявлением лидеров соответствующих стран для осуществления конкретных миссий и функций [Hall and Taylor, 1996]. Во-вторых, эти институты клубного типа объединяют акторов примерно равного положения, представляющих разные цивилизации и континенты, имеющие разные уровни экономического развития, которые действуют стратегическим образом для достижения своих приоритетов. В-третьих, саммиты являются механизмами, в которых стратегическое взаимодействие между лидерами играет важную роль в определении политических результатов. В-четвертых, чтобы максимизировать выгоды от новых институтов, их основатели выбирают такие подходы к взаимодействию с существующими организациями, которые считают наиболее эффективными для достижения своих целей (см. [Ларионова, 2016] для подробного описания аналитической парадигмы и методологии).

Институты высшего уровня во взаимодействии с международными организациями могут использовать сочетание моделей «каталитического воздействия», «ядра, влияющего на систему» и «параллельного управления» [Putnam and Bayne, 1987, pp. 155-157]. Действуя в роли катализатора, они могут оказывать существенное влияние на изменения в международных организациях посредством одобрения, стимулирования или убеждения. Взаимодействуя с МО по модели «ядра, влияющего на систему», они могут определять новое направление действий, передавая мандат или обеспечивая политическое лидерство, в котором нуждается организация для продолжения деятельности по существующим направлениям. Институты высшего уровня могут также создавать свои собственные механизмы, работающие параллельно с существующими организациями.

В данной статье рассматривается, как «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС взаимодействуют с МО в рамках выполнения функций глобального управления, включая обсуждение, определение направлений действия, принятие решений, реализацию решений и развитие глобального управления. Под обсуждением понимается личное общение между представителями стран-членов, результаты которого отражаются в коллективных документах. Определение направлений действий предполагает коллективное утверждение общих принципов, норм и рекомендаций. Принятие решений – это согласование выполнимых и четких коллективных обязательств с достаточной степенью конкретики, обязательности исполнения и делегирования полномочий. Под реализацией решений понимается исполнение коллективных обязательств. Развитие глобального управления рассматривается как способность институтов высшего уровня использовать другие международные институты или создавать свои собственные институты в качестве механизмов глобального управления [Kirton, 2013, pp. 37-39].

Исследование опирается на количественный и качественный анализ документов, принятых «Группой двадцати»,³ БРИКС⁴ и АТЭС,⁵ по результатам которого прослеживается динамика и выявляются предпочитаемые ими модели взаимодействия с многосторонними организациями. На первом этапе используется количественный подход, основанный на трех параметрах: количестве упоминаний конкретной организации за период времени, ее доле в общем количестве упоминаний и интенсивности. Интенсивность рассчитывается как отношение количества упоминаний конкретного института к общему числу символов (включая пробелы и знаки пунктуации) в документах:

$$D_I = M_I/S_I,$$

³ Общее количество документов за период с саммита в Вашингтоне до саммита в Гамбурге составило 191.

⁴ Общее количество документов за период с саммита в Екатеринбурге до саммита в Сямьне составило 103.

⁵ Общее количество документов за период между саммитами в Лиме 2008 и 2016 гг. составило 172.

где DI – интенсивность упоминаний конкретного института за определенный год (период), MI – количество упоминаний данного института за указанный год (период), SI – общее количество символов в документах за указанный год (период). Для большей наглядности результатов DI умножается на 10000.

На втором этапе осуществляется качественный анализ, направленный на выявление наиболее характерных для «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС моделей взаимодействия с международными организациями.

Основные результаты

«Группа двадцати», БРИКС и АТЭС последовательно взаимодействуют с международными организациями, однако спектр этих организаций, интенсивность, динамика и модели взаимодействия существенно различаются, что подтверждают приведенные ниже данные (см. Таблицу 1).

Динамика интенсивности взаимодействия

Начиная с первого саммита в Вашингтоне «Группа двадцати» последовательно взаимодействует с международными организациями, общее количество упоминаний которых в ее дискурсе составляет 5749. На фоне меняющейся интенсивности взаимодействия «двадцатки» с МО саммиты в Лондоне и Питтсбурге, определившие миссию и роль «Группы двадцати» в системе глобального управления, выделяются наиболее высокими уровнями интенсивности, составляющими 28,7 и 30,5 соответственно, тогда как средний показатель равен 13,31. Хотя количество упоминаний МО в дискурсе БРИКС значительно ниже и составляет 1045, интенсивность, равная 10,61, сопоставима с уровнем «двадцатки». Также в БРИКС наблюдается аналогичная «Группе двадцати» тенденция наиболее высокой интенсивности для первых саммитов в Екатеринбурге и Бразилиа, определивших дальнейшее развитие форума. Количество упоминаний международных организаций в дискурсе АТЭС составляет 1425, однако примерно треть этих упоминаний относится к собственным механизмам АТЭС. Таким образом, при доле 66% количество упоминаний МО достигает 936, что ниже, чем показатель БРИКС, и существенно ниже, чем показатель «двадцатки». Несмотря на относительно большое количество упоминаний МО, интенсивность взаимодействия АТЭС с ними в два раза ниже, чем у «Группы двадцати» и БРИКС. В среднем за период исследования она составляет 5,77. Показатель несколько возрос в период глобального экономического кризиса – до 6,32 и 7,74 в 2008 и 2009 гг. соответственно, а в последующие годы колебался вокруг среднего значения. Для всех трех институтов 2009 год – год наибольшей интенсивности взаимодействия с МО, то есть кризис дал импульс созданию новых институтов и стимулировал их сотрудничество с существующими организациями.

Ключевые партнеры в глобальном управлении

Примерно 100 организаций – универсальных, специализированных, региональных и глобальных – упоминаются в дискурсе «Группы двадцати», и только 9 из них являются собственными институтами «двадцатки», включая партнеров по аутрич-диалогу. Интенсивность взаимодействия «Группы двадцати» с МВФ, СФС, ВБ и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) значительно превышает интенсивность взаимодействия с другими институтами. Как показано в таблице 1, их доля в дискурсе «двадцатки» также значительно превышает показатели других МО.

Таблица 1. Доли и интенсивность взаимодействия «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с международными организациями

	«Группа двадцати»	БРИКС	АТЭС
--	-------------------	-------	------

	Количество (место)	Доля	Интенсивность	Количество (место)	Доля	Интенсивность	Количество (место)	Доля	Интенсивность
МВФ	834 (1)	14,51	1,93	70 (5)	6,70	0,71			
ФФС+СФС	673 (2)	11,71	1,56						
ОЭСР	636 (3)	11,06	1,47				80 (3)	5,61	0,32
ВБ	508 (4)	8,84	1,18	40 (8)	3,83	0,41	102 (2)	7,16	0,41
ООН	311 (5)	5,41	0,72	299 (1)	28,6 1	3,04	52 (6)	3,65	0,21
БКБН	272 (6)	4,73	0,63						
ФАТФ	268 (7)	4,66	0,62						
Глобальное партнерство по повышению доступа к финансовым услугам	224 (8)	3,90	0,52						
ВТО	200 (9)	3,48	0,46	114 (3)	10,9 1	1,16	274 (1)	19,2 3	1,11
МОТ	176 (10)	3,06	0,41	25 (9)	2,39	0,25			
«Группа двадцати»	-	-	-	118 (2)	11,2 9	1,20	75 (4)	5,26	0,30
ВОЗ				84 (4)	8,04	0,85			
Новый банк развития				67 (6)	6,41	0,68			
Пул условных валютных резервов				45 (7)	4,31	0,46			
ЮНКТАД				25 (10)	2,39	0,25			
Сеть по вопросам образования АТЭС							56 (5)	3,93	0,23
Азиатский банк развития							48 (7)	3,37	0,19
АСЕАН							46 (8)	3,23	0,19
Политическое							36 (9)	2,53	0,15

партнерство по продовольственной безопасности									
ФАО							34 (10)	2,39	0,14
Всего международных организаций	100			54			57+73= 130		
Всего упоминаний	5749	100	13,31	1045	100	10,61	936+489 = 1425	100	5,77

«Группа двадцати» последовательно продвигала реформу квот и управления МВФ, поддержала наращивание его ресурсов, одобрила новые инструменты кредитования и поручила осуществление Процесса взаимной оценки для оценки прогресса в реализации Рамочного соглашения «Группы двадцати» по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста. Хотя доля упоминаний МВФ в дискурсе «двадцатки» снизилась с 42,22% для саммита в Вашингтоне до 9,54% для саммита в Гамбурге, со средним показателем 14,51% он остается ключевым партнером «двадцатки» в системе глобального управления. Детище «Группы двадцати», Совет по финансовой стабильности (СФС), стал незаменимым партнером в реализации задачи стимулирования и контроля за осуществление реформ финансовых рынков и регулирования. В период между саммитами в Лондоне и Сеуле его доля была самой высокой из всех международных организаций в документах «двадцатки».

«Двадцатка» последовательно поддерживает усилия Группы Всемирного банка (ГВБ) и региональных банков развития по мобилизации и стимулированию финансирования инвестиций в инфраструктуру. В период с саммита в Вашингтоне до саммита в Лос-Кабосе ВБ занимал третье место по количеству упоминаний среди всех МО. По итогам саммита в Санкт-Петербурге он уступил свое место ОЭСР, но остается четвертым в совокупном дискурсе «двадцатки» с долей 8,84%. «Группа двадцати» опирается на опыт ОЭСР в разработке решений по широкому кругу проблем: от борьбы с размыванием налогооблагаемой базы и перемещением прибыли (BEPS) до проведения структурных реформ для обеспечения роста. Эта тенденция усиливается, что обусловлено изменением миссии «двадцатки» и расширением ее повестки дня, а также предпринимательским поведением ОЭСР. При переходе от задач борьбы с кризисом к решению проблем глобального управления, «Группе двадцати» требовался прочный фундамент для принятия решений по широкому спектру повестки дня, в то время как ОЭСР стремилась получить политическую поддержку своей деятельности и расширить влияние за пределы государств – членов Организации через сотрудничество с «двадцаткой». После саммита в Санкт-Петербурге ОЭСР занимает первое место в дискурсе «Группы двадцати» по количеству и интенсивности упоминаний, поднявшись на третье место по этим показателям за весь период наблюдений.

ООН занимает пятое место в дискурсе «двадцатки» со средней долей упоминаний 5,41% и средней интенсивностью 0,72. «Группа двадцати» в основном взаимодействует с ООН по вопросам развития (Цели устойчивого развития (ЦУР) и Цели развития тысячелетия (ЦРТ)), продовольственной безопасности и изменения климата. В документах саммитов в Ханчжоу и Гамбурге были зафиксированы исторические максимумы доли упоминаний ООН – 8,86% и 10,62%, что отражает увеличение доли соответствующих вопросов в повестке дня «двадцатки».

На первом саммите «двадцатки» лидеры приняли обязательство по отказу от создания новых барьеров для инвестиций и торговли товарами и услугами, введения новых экспортных ограничений, а также применения несоответствующих правилам Всемирной торговой организации (ВТО) мер стимулирования экспорта. Подтверждая это обязательство на каждом последующем саммите, в Лондоне лидеры поручили ВТО осуществлять мониторинг и представлять публичные отчеты о его исполнении членами «двадцатки». ВТО представляет соответствующие доклады в партнерстве с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и ОЭСР к каждому саммиту «Группы двадцати». ВТО занимает девятое место по количеству и интенсивности упоминаний среди всех МО (3,48% и 0,46 соответственно), тогда как ЮНКТАД занимает четырнадцатое место с долей упоминаний 1,20% и интенсивностью 0,16.

Хотя интенсивность взаимодействия «двадцатки» с Международной организацией труда (МОТ) невысока (средняя интенсивность составляет 0,41, а средняя доля упоминаний – 3,06%), оно является стабильным, отражая обязательство «двадцатки» по созданию рабочих мест и осуществлению политики занятости в соответствии с основополагающими принципами МОТ.

БРИКС упоминает 54 международных организации, причем два собственных института БРИКС, НБР и Пул условных валютных резервов, входят в первую десятку наиболее упоминаемых. Миссия и повестка дня форума определяют первенство ООН в его дискурсе, которое в 2009 году ООН уступило «Группе двадцати» и МВФ, а в 2012 году ВТО. Отклонение от тренда в 2009 году связано с поддержкой лидерами, министрами финансов и главами центральных банков БРИКС обязательств «двадцатки», решением БРИКС внести 80 млрд долларов США для пополнения ресурсов МВФ, призывом к установлению целей по перераспределению квот в МВФ и Всемирном банке в размере 7% и 6% соответственно, чтобы обеспечить баланс голосов развитых и развивающихся стран [BRIC Finance Ministers and Central Bank Governors, 2009b], а также детальным предложением по реформе МВФ и ВБ [BRIC Finance Ministers, 2009a]. Изменение 2012 года отражает убежденность БРИК в центральной роли ВТО в деле защиты и укрепления открытой и основанной на правилах многосторонней торговой системы, а также обязательство содействовать завершению зашедших в тупик переговоров Дохийского раунда развития, четко выраженное министрами торговли стран БРИК на встречах в Нью-Дели [BRICS Trade and Economic Ministers, 2012a] и Пуэрто-Вальярта [BRICS Trade Ministers, 2012b]. Хотя доля упоминаний ООН колеблется от саммита к саммиту, со средним значением 28,6%, она сильно опережает как «Группу двадцати», находящуюся на втором месте с долей 11,3%, так и ВТО, занимающую третью позицию с долей в 10,9%, а также поднявшуюся на четвертое место ВОЗ с долей в 8% и замыкающий первую пятерку МВФ с долей 6,7%.

Доля упоминаний собственного института БРИКС, НБР, впервые отмеченного в документах в Нью-Дели, когда лидеры поручили министрам финансов изучить целесообразность и возможность создания Нового банка развития с целью мобилизации ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся и формирующихся рыночных экономиках в дополнение к усилиям существующих многосторонних и региональных финансовых институтов по обеспечению глобального роста и развития, и начавшего полноценное функционирование в 2017 году, составляет в среднем 6,4%.

ЮНКТАД, которая занимает в дискурсе «двадцатки» лишь четырнадцатое место, часто упоминается БРИКС, рассматривающего ее как «центральное звено в системе ООН, призванное рассматривать связанные между собой вопросы торговли, инвестирования, финансов и технологий с точки зрения перспектив для развития» [BRICS Leaders, 2013]. БРИКС настаивает на укреплении роли ЮНКТАД в области политического диалога,

формирования консенсуса и наращивания потенциала развивающихся стран [BRICS Leaders, 2014].

Наконец, следует отметить, что Африканский союз, аутсайдер, занимающий 44-е место в дискурсе «двадцатки», в документах БРИКС находится на одиннадцатом месте по числу упоминаний. Его роль и частота упоминаний ожидаемо увеличивались после проведения Дурбанского саммита, на котором лидеры впервые приняли на себя обязательство поддерживать африканские страны в процессе их индустриализации путем стимулирования прямых иностранных инвестиций, обмена знаниями, создания потенциала и диверсификации импорта из Африки [BRICS Leaders, 2013]. БРИКС признает роль Африканского союза в поддержании мира и развитии континента и поддерживает его усилия «в соответствии с повесткой дня континента в целях мира и социально-экономического развития» [BRICS Leaders, 2016].

Из трех рассматриваемых институтов высшего уровня АТЭС на сегодняшний день упоминает в своем дискурсе наибольшее количество международных организаций – 130 – региональных и глобальных, универсальных и специализированных. Хотя 73 из этих механизмов сотрудничества являются собственными механизмами АТЭС, лишь имеющая давнюю историю Сеть по вопросам образования и Политическое партнерство по продовольственной безопасности (PPFS), созданное в 2011 году для укрепления сотрудничества между государством и частным сектором в целях решения проблемы продовольственной безопасности, входят в первую десятку основных партнеров форума.

ВТО является лидером по упоминаниям со средней долей 19,23% и интенсивностью 1,11. В некоторые годы в рамках периода исследования указанная доля была значительно выше. Например, она достигла 25,15% в 2009 году, когда участники форума отметили двадцатилетие сотрудничества и продвижения к свободной и открытой торговле и инвестициям в регионе; отвергли все формы протекционизма; выразили поддержку ВТО в качестве фундамента в борьбе с усилением протекционизма и заявили о приверженности амбициозному и сбалансированному завершению Дохийского раунда развития в 2010 году на основе достигнутого прогресса, включая модальности переговорного процесса [APEC Leaders, 2009]. В 2011 году доля упоминаний ВТО в документах АТЭС достигла максимума, составив 35,53%, что отражало обеспокоенность членов АТЭС в связи с отсутствием прогресса по Дохийскому раунду, а также изменением подхода к переговорам, включая «возможности, связанные с продвижением определенных частей Дохийской повестки дня, по которым консенсус может быть достигнут на временной или окончательной основе» [APEC Leaders, 2011].

Всемирный банк занимает второе место по доле (7,16%) и интенсивности упоминаний (0,41) в дискурсе АТЭС. Доля ВБ дважды значительно повышалась: до 9,23% в 2008 году и до 11,21% в 2015 году. Взаимодействие АТЭС с Всемирным банком в основном сосредоточено на вопросах продовольственной безопасности, упрощения процедур торговли, интеграции МСП в глобальные цепочки создания стоимости, доступа к финансированию для ММСП и улучшения деловой среды на основе опросов Всемирного банка по легкости ведения бизнеса [APEC Structural Reform Ministers, 2008]. Еще одна область сотрудничества включает вопросы уменьшения числа природных бедствий и обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям. Партнерами АТЭС по данному направлению сотрудничества являются ОЭСР, региональные банки и ВБ. Так, в 2015 году, когда форум АТЭС принял Рамочную программу по уменьшению опасности бедствий, Группе Всемирного банка было поручено провести исследование и подготовить доклад о вариантах региональных механизмов финансирования для снижения рисков бедствий, в том числе через их объединение, среди заинтересованных стран АТЭС [APEC Finance Ministers, 2015].

ОЭСР является третьей организацией по количеству упоминаний в повестке дня АТЭС со средней долей 5,61% и интенсивностью 0,32, причем в последние годы эти показатели увеличиваются. АТЭС взаимодействует с ОЭСР по широкому кругу вопросов, от содействия финансовой грамотности и образованию до развития глобальных цепочек стоимости [APEC Trade Ministers, 2016]. Члены АТЭС полагаются на опыт и инструменты ОЭСР в проведении структурных реформ и улучшении деловой среды. В 2008 году министры АТЭС обязались обеспечить выполнение странами-членами Принципов корпоративного управления ОЭСР в Азиатско-Тихоокеанском контексте [APEC Ministers, 2008]. План действий АТЭС по сотрудничеству в сфере регулирования, принятый в 2011 году, предусматривал подготовку Интегрированного контрольного перечня АТЭС и ОЭСР по реформе регулирования [APEC Ministers, 2011]. Чтобы мобилизовать средства частного сектора, включая долгосрочных институциональных инвесторов, для инвестиций в развитие инфраструктуры, в 2014 году министры финансов АТЭС призвали ОЭСР, Всемирный банк, Азиатский банк развития (АБР) и другие МО выявить соответствующие наилучшие практики для региона АТЭС [APEC Finance Ministers, 2014]. Для борьбы с избежанием налогообложения и уклонением от уплаты налогов в Азиатско-Тихоокеанском регионе страны АТЭС взаимодействуют с ОЭСР и «Группой двадцати» посредством Инклюзивной сети по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы эрозии и перемещением прибыли (BEPS), Конвенции ОЭСР по взаимной административной помощи по налоговым делам (МААС) и Многостороннего соглашения компетентных органов по обмену страновыми отчетами [APEC Finance Ministers, 2016].

Упоминания «двадцатки» присутствуют в дискурсе АТЭС с 2008 года, когда министры настоятельно рекомендовали лидерам «поддержать Вашингтонскую декларацию «Группы двадцати» и усилить обязательство по отказу от введения новых барьеров для торговли и инвестиций» [APEC Ministers, 2008]. Лидеры не заявили о своей поддержке декларации напрямую, но «полностью одобрили Совместное заявление министров по итогам 20-ого заседания министров АТЭС», выразив тем самым свою поддержку решениям «Группы двадцати», принятым в Вашингтоне [APEC Leaders, 2008]. В 2009 году лидеры выразили приверженность основным целям Рамочного соглашения «Группы двадцати» по обеспечению уверенного, устойчивого и сбалансированного экономического роста и взяли на себя обязательства совместно работать над тем, чтобы их макроэкономическая, регуляторная и структурная политика коллективно соответствовали более устойчивым и сбалансированным траекториям роста; поощрять открытую торговлю и инвестиции; проводить макропруденциальную и регуляторную политику, препятствующих дестабилизационному воздействию кредитных циклов и циклов цен на активы; и содействовать развитию и сокращению масштабов нищеты как составляющей процесса ребалансировки глобального роста [APEC Leaders, 2009]. С 2009 года повестка дня «двадцатки» по уверенному, устойчивому и сбалансированному росту [APEC Leaders, 2010] все больше интегрируется в сферы сотрудничества АТЭС, и даже когда «Группа двадцати» не упоминалась в документах АТЭС, таких как Декларация лидеров, принятая в Гонолулу, их твердая решимость поддерживать сильный, устойчивый и сбалансированный рост региональной и глобальной экономики [APEC Leaders, 2011] выражалась в конкретных обязательствах. В том же году министры финансов рассмотрели итоги саммита в Каннах и подтвердили решимость «предпринять скоординированные действия для укрепления глобального восстановления экономики, повышения стабильности финансового сектора, сохранения открытых рынков и создания основы для уверенного, устойчивого и сбалансированного роста» [APEC Finance Ministers, 2011]. Более того, после включения «двадцаткой» инклюзивности в качестве четвертой опоры роста в период председательства Турции в 2015 году, АТЭС также включило инклюзивность в свою повестку дня по содействию росту [APEC Leaders, 2015, 2016]. Несмотря на то, что «Группа двадцати» занимает четвертое место в дискурсе форума с

долей в 5,21%, ее приоритеты и цели глубоко разделяются АТЭС, что отражается не столько на интенсивности взаимодействия, сколько на близости повесток дня и согласованных усилиях по достижению уверенного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста.

ООН занимает шестое место по количеству упоминаний в повестке дня АТЭС с долей 3,65% и интенсивностью 0,21. Ее доля снижается на фоне увеличения долей ОЭСР и «Группы двадцати». Однако, учитывая приверженность АТЭС Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и Парижскому соглашению по изменению климата, а также их предшественникам, Целям развития тысячелетия и Рамочной конвенции ООН об изменении климата, ООН остается ключевым партнером АТЭС в обеспечении развития и климатической устойчивости экономик.

Региональные партнеры – Азиатский банк развития и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии – занимают седьмое и восьмое места в дискурсе АТЭС по количеству упоминаний со средними долями 3,37% и 3,23% и интенсивностью 0,19. АТЭС рассматривает АБР как основного партнера в достижении трех важнейших задач региона: инклюзивного экономического роста, экологически устойчивого развития и региональной интеграции [APEC Finance Ministers, 2008]. АБР вместе с МВФ, ОЭСР и Группой Всемирного банка оказывает содействие в стимулировании финансирования МСП и инфраструктуры в регионе АТЭС [APEC Finance Ministers, 2014]. Экономике АТЭС взаимодействуют с АСЕАН и АБР, а также с региональными и многосторонними банками развития, «Группой двадцати» и Деловым консультативным советом АТЭС (АВАС) в области развития инфраструктуры и взаимосвязанности [APEC Trade Ministers, 2014]. АСЕАН разделяет приверженность АТЭС региональной и глобальной продовольственной безопасности и способствует ее обеспечению посредством своих собственных механизмов, таких как сотрудничество по продовольственной безопасности в формате АСЕАН+3 [APEC Food Security Ministers, 2010]. В рамках сотрудничества в области энергетической безопасности в отношении нефти и газа АСЕАН и АТЭС стремятся укрепить потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона по реагированию на чрезвычайные ситуации, такие как сбои в поставках нефти и газа [APEC Energy Ministers, 2014]. Стремясь создать зону свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (ФТААР), АТЭС опирается на АСЕАН+3, АСЕАН+6 и другие региональные инициативы [APEC Leaders, 2010].

Модели взаимодействия

«Группа двадцати» использует все три модели взаимодействия с международными организациями, отдавая предпочтение модели «ядра, влияющего на систему». «Двадцатка» оказывает каталитическое воздействие на МВФ и ВБ, стимулируя процессы их реформирования. Ее взаимодействие с ВТО, направленное на придание импульса к сбалансированному и амбициозному завершению Дохийского раунда переговоров, пока не оказало ожидаемого каталитического воздействия. Более успешным примером каталитического воздействия «двадцатки» на ВТО стали ее усилия по достижению согласия по Соглашению об упрощении процедур торговли на Министерской конференции ВТО на Бали (МС9) в декабре 2013 года. Взаимодействие с ВТО по модели «ядра, влияющего на систему» тесно связано с обязательством «двадцатки» воздерживаться от создания новых барьеров для инвестиций и торговли товарами и услугами и поручением ВТО, ОЭСР и ЮНКТАД осуществлять мониторинг и публикацию докладов о его исполнении.

СФС является прекрасной иллюстрацией каталитического воздействия «Группы двадцати», проявившегося в решениях о реформе и расширении Форума финансовой стабильности (ФФС) на саммите в Вашингтоне, преобразовании ФФС в СФС в Лондоне и одобрении институционализации СФС с мандатом по содействию укреплению

международной системы финансового регулирования в Питтсбурге. После саммита в Торонто «двадцатка» в основном взаимодействует с СФС в качестве «ядра, влияющего на систему», поручая ему разработку конкретных рекомендаций, стандартов и принципов политики или обязуясь поддерживать процессы экспертной оценки.

Во взаимодействии с ОЭСР, ООН, МОТ и многосторонними банками развития «Группа двадцати» в основном использует модель «ядра, влияющего на систему», опираясь на их опыт и делегируя мандаты, обеспечивая тем самым политическое лидерство и поддержку и определяя направление новых действий.

«Параллельное управление» не часто встречается в дискурсе «двадцатки», и его доля составляет в среднем около 3%. Многие случаи «параллельного управления» отражают устойчивое несоответствие спроса и предложения инвестиций в инфраструктуру и дефицит лидерства в управлении в этой сфере. В Сеуле «двадцатка» создала Группу высокого уровня по инвестициям в инфраструктуру (HLP). В Брисбене лидеры запустили Глобальную инфраструктурную инициативу и Глобальный инфраструктурный хаб, поддержав их финансирование, чтобы содействовать реализации многолетней программы мер «двадцатки» в области инфраструктуры. На саммите в Ханчжоу «Группа двадцати» одобрила создание Альянса для глобального сопряжения инфраструктуры для расширения сотрудничества между различными инициативами в соответствующей области. Чтобы это сотрудничество стало более всеобъемлющим и эффективным, «Группа двадцати» попросила ГВБ взять на себя функции секретариата Альянса, тесно сотрудничая с Глобальным инфраструктурным хабом, ОЭСР и другими МБР и заинтересованными странами «Группы двадцати» [G20 Leaders, 2016] (подробный анализ взаимодействия «двадцатки» с МО представлен в [Ларионова, 2017]).

Таким образом, «Группа двадцати» использует все три модели взаимодействия с международными организациями, отдавая предпочтение модели «ядра, влияющего на систему».

Предпочитаемой БРИКС моделью взаимодействия с международными организациями является «каталитическое воздействие». Во взаимодействии с ООН и «Группой двадцати», двумя совершенно разными, но наиболее часто упоминаемыми в дискурсе многосторонними форумами, четко проявляется стремление БРИКС к выполнению роли катализатора. Так, твердая приверженность центральной роли ООН в обеспечении мира и справедливого и демократического многополярного международного порядка выражается в поддержке всеобъемлющей реформы ООН, включая ее Совет Безопасности; укрепления роли, потенциала, результативности, подотчетности и эффективности миротворческой деятельности ООН; повышения прозрачности и инклюзивности процесса выбора и назначения Генерального секретаря ООН [BRICS Leaders, 2016].

Подчеркивая центральную роль «Группы двадцати» в борьбе с экономическим и финансовым кризисом, призывая к реализации ее решений и будучи полностью приверженными сотрудничеству в ее рамках в качестве главного форума для международного финансового и экономического сотрудничества, члены БРИКС координируют свои позиции по повестке дня «двадцатки», особенно по вопросам, представляющим для них взаимный интерес [BRICS Leaders, 2015]. БРИКС выступили за то, чтобы «Группа двадцати» действовала инициативно и сформулировала стратегию на посткризисный период [BRIC Leaders, 2010] и призывали к расширению и углублению ее консультаций со странами с низким уровнем доходов в отношении рекомендаций, касающихся мер политики, которые будут оказывать влияние на эти страны [BRICS Leaders, 2015]. БРИКС последовательно отстаивают необходимость реформы МВФ в рамках 15 Общего пересмотра квот, включая новую формулу расчета квот, которая привела бы к увеличению голосов стран с формирующимися рынками и развивающихся стран.

Призвав к достижению всеобъемлющих и сбалансированных результатов Дохийского раунда переговоров ВТО на своем первом саммите [BRIC Leaders, 2009], БРИКС неизменно уделяет приоритетное внимание продвижению переговоров по оставшимся несогласованным вопросам Дохийской повестки дня в области развития (ДПП) [BRICS Leaders, 2016].

Поддерживая лидирующую роль ВОЗ в области глобального здравоохранения, БРИКС считают приоритетом ее реформу, которая улучшит процессы принятия стратегических решений руководящими органами организации и укрепит потенциал ее реагирования на угрозы общественному здоровью. В то же время БРИКС институционализирует сотрудничество внутри форума по вопросам здравоохранения. Министры здравоохранения БРИКС организовали работу по нескольким тематическим областям в рамках технических рабочих групп и сетевой платформы технологического сотрудничества.

Во многих сферах политики БРИКС использует подход «параллельного управления». Случаи «параллельного управления» составляют 9,76% от общего количества упоминаний международных институтов. Количество упоминаний собственных институтов БРИКС достигло своего максимума в 20% в Форталезе, когда страны БРИКС заключили Договор о создании Пула условных валютных резервов и Соглашение о создании Нового банка развития. Другие примеры «параллельного управления» включают Стратегический альянс по сельскохозяйственным исследованиям и технологическому сотрудничеству, запущенный в Екатеринбурге, Контактную группу по торгово-экономическим вопросам, созданную в 2010 году, Рабочую группу по науке, технологиям и инновациям, учрежденную в 2014 году, и т.д. Институционализация сотрудничества БРИКС продолжается. На своем девятом саммите в Сямэне лидеры договорились проработать возможность создания девяти новых механизмов сотрудничества, в том числе Фонда по подготовке проектов ГЧП, Фонда облигаций в национальных валютах стран БРИКС, Института БРИКС по изучению «сетей будущего», Платформы энергетических исследований и Совета БРИКС по культуре [BRICS Leaders, 2017]. Несмотря на быстрые темпы институционализации, доля и интенсивность взаимодействия БРИКС с ключевыми партнерами остаются высокими.

До настоящего времени БРИКС использовал модель «ядра, влияющего на систему» при взаимодействии с МО. Первый и единственный случай, почти соответствующий передаче мандата, связан с поручением министров труда БРИКС Международной ассоциации социального обеспечения (МАСО) выступить, в сотрудничестве с МОТ, в качестве виртуального бюро по связи между странами БРИКС в области социального обеспечения [BRICS Labour and Employment Ministers, 2017, Annex 3, p. 5].

Выбор в пользу моделей «каталитического воздействия» и «параллельного управления», является явным подтверждением того, что БРИКС не стремится бросать вызов существующей системе глобального управления, но хочет реформировать ее институты, сделать ее более справедливой, равноправной, демократической и представительной.

АТЭС является наиболее институционализированным из трех рассматриваемых неформальных институтов высшего уровня. Учитывая количество обращений к собственным механизмам в дискурсе форума, неудивительно, что члены АТЭС используют модель «параллельного управления» гораздо чаще, чем «двадцатка» и БРИКС. В результате доля «параллельного управления» в документах АТЭС за период исследования составляет более 30%. АТЭС созданы собственные механизмы во всех областях сотрудничества, в разных форматах: форумов, рабочих и экспертных групп, сетей, политических партнерств и др. Наиболее часто упоминаемые механизмы, помимо отмеченных ранее Сети по вопросам образования и Политического партнерства по продовольственной безопасности, включают Азиатско-Тихоокеанский финансовый форум

(APFF) с долей 1,54%, созданный министрами финансов АТЭС в 2013 году по предложению Делового консультативного совета (ДКС) АТЭС, которому и было поручено управление форумом; и Азиатско-Тихоокеанскую платформу по продовольственной безопасности, созданную в 2010 году, которая занимает пятнадцатое место по количеству упоминаний с долей 1,40%.

«Каталитическое воздействие» также не чуждо АТЭС, однако в основном случаи использования этой модели ограничиваются сотрудничеством в отношении многосторонней торговой системы. Экономике АТЭС неизменно призывают к амбициозному и сбалансированному завершению переговоров по Дохийской повестке дня в области развития (ДПР) ВТО и прямо поддержали Соглашение об упрощении процедур торговли. В то же время, они воздерживаются от заявлений, подчеркивающих важность реформы МВФ и ВБ, характерных для «двадцатки» и БРИКС. Более характерным для АТЭС является использование компетенций этих институтов. Например, экономики АТЭС призвали МВФ и Группу Всемирного банка совместно с другими международными организациями сотрудничать с ними в направлении укрепления потенциала, внедрении передовых практик и определении эффективных подходов в отношении основных приоритетов АТЭС, связанных с управлением рисками стихийных бедствий [APEC Finance Ministers, 2014].

АТЭС редко передает мандаты МО. Экономике АТЭС традиционно полагаются на отработанные инструменты и накопленный опыт международных организаций, поддерживают их инициативы, связанные с важнейшими для АТЭС проблемами и приоритетами сотрудничества. Они обязались внедрить Принципы корпоративного управления ОЭСР в контексте Азиатско-Тихоокеанского региона [APEC Ministers, 2008]. Информационная платформа АТЭС по продовольственной безопасности (APIP) сотрудничает с Системой информационного обеспечения рынков сельскохозяйственной продукции (АМИС) и Форумом быстрого реагирования, запущенными «двадцаткой» [APEC Leaders, 2012]. Министры АТЭС призывают экономики форума к ратификации Конвенций ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности и принятию мер по реализации их положений [APEC Ministers, 2009]. Несмотря на то, что ВОЗ занимает только 34 место по количеству упоминаний в дискурсе АТЭС, форум поддержал создание на страновом уровне возможностей для предотвращения, выявления и реагирования на глобальные угрозы распространения инфекционных заболеваний в соответствии с международными медико-санитарными правилами (ММСП) ВОЗ [APEC Health Ministers, 2015].

Другие типичные примеры включают поручение Технической группе по измерению торговли АТЭС в терминах добавленной стоимости в рамках глобальных цепочек тесно работать с ВТО, ОЭСР, Всемирным банком, ЮНКТАД и другими профильными международными организациями с целью завершения создания базы данных торговли АТЭС в терминах добавленной стоимости к 2018 году [APEC Leaders, 2014]; стимулирование использования экономиками АТЭС индексов оценки регуляторной среды в сфере услуг, учитывающих показатели, рассчитываемые другими институтами, такими как ОЭСР и Всемирный банк [APEC Trade Ministers, 2016]; использование экспертизы и знаний ВТО, ЮНКТАД, ОЭСР, «Группы двадцати», Всемирного банка, МВФ, АБР по развитию и сотрудничеству в отношении глобальных цепочек стоимости в АТЭС [APEC Trade Ministers, 2016].

Наконец, члены АТЭС привержены Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и прозрачной и эффективной реализации Парижского соглашения по изменению климата в целях перехода к низкоуглеродной, устойчивой к изменениям климата экономике [APEC Leaders, 2016].

АТЭС не взаимодействует с международными организациями в качестве «ядра, влияющего на систему», обеспечивающего политическое лидерство или определяющего направление новых действий, однако экономики форума полагаются на их компетенции и инструменты для достижения общих целей.

Заключение

Приверженность «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС многосторонности и интегрированность в систему международных институтов отражаются в интенсивном взаимодействии трех форумов с МО, при этом уникальный характер и миссии каждого из них определяют различия в спектре организаций-партнеров, масштабах и моделях взаимодействия.

«Группа двадцати», главный форум для экономического сотрудничества, действующий на основе консенсуса, стремится содействовать большей согласованности в системе институтов глобального управления и создать новую форму институционального коллективизма. «Двадцатка» превосходит БРИКС и АТЭС по количеству упоминаний международных организаций (5749 по сравнению с 1045 и 1425), их интенсивности (13,31 против 10,61 и 5,77) и масштабам (100 организаций-партнеров по сравнению с 54 и 57). «Двадцатка» использует все три модели, взаимодействуя со своими ключевыми партнерами (МВФ, СФС, ОЭСР, ВБ, ВТО и МОТ) в основном в качестве «ядра, влияющего на систему». С различной степенью успеха «Группа двадцати» оказывает каталитическое воздействие на СФС, МВФ, Всемирный банк, а также ВТО. Она редко прибегает к модели «параллельного управления», используя ее, прежде всего в тех сферах, где существует потребность в лидерстве, координации и согласованности. Большинство из 3% упоминаний «двадцаткой» собственных механизмов связаны с устойчивым дефицитом инвестиций в инфраструктуру. «Группа двадцати» взаимодействует с МО в процессе реализации всех функций глобального управления, от обсуждения до реализации решений, и демонстрирует высокий потенциал в развитии глобального управления посредством использования международных организаций и создания собственных механизмов управления.

БРИКС, представляющий новую силу в глобальном управлении, стремится изменить сложившийся мировой порядок в интересах человечества посредством конструктивного вклада в определение правил игры [Duggan, 2015, p. 11]. Члены БРИКС последовательно поддерживают решения «Группы двадцати» как главного форума для международного экономического сотрудничества и подчеркивают центральную роль ООН в многополярном международном порядке. БРИКС неизменно выступает в качестве катализатора, стимулируя, одобряя, побуждая и поддерживая изменения в ООН, МВФ и ВБ, ВТО. Несмотря на обширную повестку дня и глобальный охват, БРИКС в явном виде не взаимодействует с ОЭСР, формирующей нормы регулирования экспертным центром западных держав. БРИКС все чаще использует свои собственные институты, в том числе, НБР и Пул условных валютных резервов, первоначально выступая в качестве катализатора их создания, а затем в качестве «ядра, влияющего на систему». БРИКС в основном взаимодействует с МО в процессе реализации функций обсуждения и определения направления действий, реже – в процессе принятия решений. Собственные механизмы БРИКС также вовлечены в реализацию решений. Таким образом, БРИКС способствует развитию глобального управления, создавая вокруг себя институциональную систему и оказывая влияние на МО «для [создания] более справедливого, равноправного, честного, демократического и представительного международного политического и экономического порядка» [BRICS Leaders, 2017, para 2].

АТЭС, являясь главным региональным экономическим форумом и площадкой для вовлечения Азиатско-Тихоокеанского региона в решение глобальных проблем [Morrison, 2014, p. 2], способствует всестороннему росту на региональном и глобальном уровнях.

Эта двойственная природа проявляется в выборе АТЭС партнеров для взаимодействия, десять первых мест в списке которых распределены между глобальными и региональными МО. ВТО ожидаемо занимает первую позицию, Всемирный банк, ОЭСР, «Группа двадцати», ООН и ФАО - вторую, третью, четвертую, шестую и десятую соответственно. АБР и АСЕАН занимают седьмое и восьмое, а два собственных механизма АТЭС – пятое и девятое места. Члены АТЭС используют опыт и инструменты глобальных организаций и региональных партнеров для продвижения собственной региональной повестки дня, однако на ВТО они также оказывают каталитическое воздействие. «Параллельное управление» в дискурсе АТЭС составляет значительную долю, равную 34%. При создании собственных механизмов АТЭС выступает в роли катализатора, а при последующем взаимодействии с ними зачастую действует в качестве «ядра, влияющего на систему». АТЭС в основном взаимодействует с МО при реализации функций обсуждения и определения направлений действий. Важно отметить, что АТЭС часто стимулирует координацию, сотрудничество и согласование усилий между региональными и глобальными международными организациями. Разделяя глобальные проблемы, интегрируя глобальную повестку дня в свое сотрудничество и принимая соответствующие обязательства, АТЭС вносит вклад в развитие регионального и глобального управления.

Таким образом, взаимодействие «Группы двадцати», БРИКС и АТЭС с международными организациями отражает их миссии и роли в системе международных институтов. «Двадцатка», хаб сети глобального управления [Kirton, 2013, p. 46-47], стимулирует разделение труда, смягчает риски фрагментации и способствует повышению согласованности в глобальном управлении. БРИКС, концерт держав, разделяющих идею легитимности как ключевой ценности при создании институтов [Skak, 2011, p. 17], усиливает легитимность, стимулирует инклюзивность и продвигает новые принципы и подходы к глобальному управлению. АТЭС, форум, созданный для расширения перспектив ускоренного, сбалансированного и справедливого экономического роста не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире [APEC Leaders, 1994], способствует интеграции региональной и глобальной повестки дня, обеспечивает координацию между региональными и многосторонними институтами и усиливает их взаимное влияние.

«Группа двадцати», БРИКС и АТЭС, каждый по своему, способствуют росту координации в глобальном управлении. Определенно необходимо дальнейшее повышение согласованности и эффективности взаимодействия многосторонних институтов. Однако наличие предпосылок для снижения фрагментарности и конкуренции – хорошая новость, позволяющая с надежной смотреть в будущее глобального управления.

Источники

Ларионова М. В. (2016) Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 1. С. 126-152. DOI: 10.17323/1996-7845/2016-01-126.

Ларионова М. В. (2017) «Группа двадцати» и международные организации: взаимодействие для обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста// Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 2. С. 54–86. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-02-54

Сафонкина Е.А. (2017) Модели взаимодействия Форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) с международными институтами в процессе

осуществления многостороннего управления//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2017. Т. 17. № 1. С. 122-136. DOI: 10.22363/231306602017171122136.

Шелепов А. В. (2015) БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления//Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 4. С. 7–28. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.

Acharya A. (2016) The Future of Global Governance: Fragmentation May Be Inevitable and Creative//Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations, no 22(4), pp. 453-460. Режим доступа: <http://journals.rienner.com/doi/abs/10.5555/1075-2846.22.4.453?code=lrpi-site> (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Energy Ministers (2014) 2014 APES Energy Ministerial Meeting, 2 September. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Energy/2014_energy (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Finance Ministers (2008) 2008 APES Finance Ministerial Meeting, 5 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2008_finance (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Finance Ministers (2011) 2011 APES Finance Ministerial Meeting, 10 November. Режим доступа: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2011_finance (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Finance Ministers (2014) 2014 APES Finance Ministerial Meeting, 22 October. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2014_finance (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Finance Ministers (2015) 2015 APES Finance Ministerial Meeting, 11 September. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2015_finance (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Finance Ministers (2016) 2016 APES Finance Ministerial Meeting, 15 October. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2016_finance (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Food Security Ministers (2010) 2010 APES Ministerial Meeting on Food Security, 16 October. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Food-Security/2010_food (дата обращения: 17.01.2017).

АПЕС Health Ministers (2015) 2015 APES High Level Meeting On Health and The Economy, 31 August. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Health/2015_health_hlm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (1994) 1994 Leaders' Declaration, 16 November. https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2008). 2008 Leaders' Declaration, 22 November. Режим доступа: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2008/2008_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2009) 2009 Leaders' Declaration, 14 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2009/2009_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2010) 2010 Leaders' Declaration, 13 November. Режим доступа: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2010/2010_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2011) 2011 Leaders' Declaration, 12 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2011/2011_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2012) 2012 Leaders' Declaration, 08 September. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2014) 2014 Leaders' Declaration, 11 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2015) 2015 Leaders' Declaration, 19 November. Режим доступа: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2015/2015_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Leaders (2016) 2016 Leaders' Declaration, 20 November. Режим доступа: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2016/2016_aelm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Ministers (2008) 2008 APEC Ministerial Meeting, 19 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2008/2008_amm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Ministers (2009) 2009 APEC Ministerial Meeting, 11 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2009/2009_amm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Ministers (2011) 2011 APEC Ministerial Meeting, 11 November. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2011/2011_amm (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Structural Reform Ministers (2008) 2008 APEC Ministerial Meeting on Structural Reform, 3 May. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Structural-Reform/2008_structural (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Trade Ministers (2014) 2014 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade, 17 May. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2014_trade (дата обращения: 17.01.2017).

APEC Trade Ministers (2016) 2016 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade, 18 May. Режим доступа: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2016_trade (дата обращения: 17.01.2017).

Beeson M. and S. Bell (2009) The G-20 and International Economic Governance: Hegemony, Collectivism, or Both?//Global Governance, no 15(2009), pp. 67-86.

BRIC Finance Ministers (2009a) Joint Communiqué of the II meeting, Horsham, United Kingdom, March 14. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/finance%202009%201.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRIC Finance Ministers and Central Bank Governors (2009b) Communiqué, London, September 4. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/finance%202009.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Labour and Employment Ministers (2017) Declaration, 27 July. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20MD%200725-EWG%20Meeting.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRIC Leaders (2009) Joint Statement, 16 June. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/First%20Summit.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRIC Leaders (2010) Second Summit: Joint Statement, 16 April. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency1/Second%20Summit%202010.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Leaders (2013) eThekweni Declaration, 27 March. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency1/130327-statement.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Leaders (2014) Fortaleza Declaration, 15 July. Режим доступа: [http://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency2/6th BRICS Summit Fortaleza Declaration and Action Plan.pdf](http://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency2/6th_BRICS_Summit_Fortaleza_Declaration_and_Action_Plan.pdf) (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Leaders (2015) VII BRICS Summit, Ufa Declaration, 9 July. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/Declaration_eng.pdf (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Leaders (2016) Goa Declaration, 16 October. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/indianpresidency2/Goa%20Declaration.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Leaders (2017) Xiamen Declaration, 4 September. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017/mEsqRkedzqYLDwxo6AbZnCkmAo9Xta3d.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Trade and Economic Ministers (2012a) Joint Press Release of the 2nd Meeting, New Delhi, 28 March. Режим доступа: [http://www.ranepa.ru/images/media/brics/inpresidency1/Meeting BRICS 28th Mar 2012.pdf](http://www.ranepa.ru/images/media/brics/inpresidency1/Meeting_BRICS_28th_Mar_2012.pdf) (дата обращения: 17.01.2017).

BRICS Trade Ministers (2012b) Statement, Puerto Vallarta, Mexico, 19 April. Режим доступа: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/inpresidency1/brics_trade_mex.pdf (дата обращения: 17.01.2017).

Chodor T. (2017) The G-20 Since the Global Financial Crisis: Neither Hegemony nor Collectivism//Global Governance, no 23(2017), pp. 205–223.

Drysdale P. (2010) APEC: Achievements and Challenges in International Diplomacy. Режим доступа: http://www2.jiia.or.jp/kokusaimondai_archive/2000/2009-10_003e.pdf?noprint (дата обращения: 17.01.2017).

Duggan N. (2015) BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance (ed. M. Rewizorski)//The European Union and the BRICS. Springer.

G20 Leaders (2008) Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. Washington DC, 15 November. Режим доступа: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2008washington/Declaration%20of%20the%20Summit%20on%20Financial%20Markets.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

G20 Leaders (2009) Global Plan for Recovery and Reform. Statement Issued by the G20 Leaders. 2 April. Режим доступа:

<http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/2009communique0402.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

G20 Leaders (2016) G20 Leaders' Communique Hangzhou Summit, 5 September. Режим доступа:

<http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/G20%20Leaders%E2%80%99%20Communique%20Hangzhou%20Summit.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

Hall P. and R. Taylor (1996) Political Science and the Three Institutionalisms//Political Studies 44, pp. 936–957.

Independent Commission on Trade Policy (2017) Charting a Course for Trade and Economic Integration in the Asia-Pacific. Режим доступа: <http://asiasociety.org/policy-institute/charting-course-trade-and-economic-integration-asia-pacific> (дата обращения: 17.01.2017).

Kahler M. (2017). Regional Challenges to Global Governance//Global Policy, no 8(1), pp. 97–100.

Kirton J. J. (2013) G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate.

Larionova M. (2016) Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in Global Governance//International Organisations Research Journal, no 11(1), pp. 126–152. DOI: 10.17323/1996-7845/2016-01-126.

Morrison C. (2014) The Asia-Pacific Cooperation Agenda: Moving from Regional Cooperation Toward Global Leadership. Режим доступа: <http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/api116.pdf?file=1&type=node&id=34796> (дата обращения: 17.01.2017).

Narlikar A. and R. Kumar (2012) From Pax Americana to Pax Mosaica? Bargaining over a New Economic Order//The Political Quarterly, no 83(2), pp. 384–394. Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-923X.2012.02294.x/abstract> (дата обращения: 17.01.2017).

Niu H. (2013) BRICS in Global Governance. A Progressive and Cooperative Force? Режим доступа: <http://responsibilitytoprotect.org/FES%20BRICS%20in%20Global%20Governance.pdf> (дата обращения: 17.01.2017).

Öniş Z. and A. B. Güven (2011) The Global Economic Crisis and the Future of Neoliberal Globalization: Rupture Versus Continuity//Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations, no 17(4), pp. 469–488. Режим доступа: <http://journals.riener.com/doi/abs/10.5555/1075-2846-17.4.469?journalCode=ggov> (дата обращения: 17.01.2017).

Putnam R. and N. Bayne (1987) *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. London: Sage Publications.

Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London: Palgrave Macmillan.

Rudd K. (2016) *India's APEC Opportunity*. Remarks at the launch of ASPI's report *India's Future in Asia: The APEC Opportunity*. Режим доступа: <http://asiasociety.org/policy-institute/kevin-rudd-indias-apec-opportunity> (дата обращения: 17.01.2017).

Skak M. (2011) *The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China*. Режим доступа: http://www.brics.utoronto.ca/biblio/Skak_2011.pdf (дата обращения: 17.01.2017).

Strauss-Kahn D. (2011) “Global Challenges, Global Solutions” – an Address at George Washington University, 4 April. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp040411> (дата обращения: 17.01.2017).

Wade R.H. (2011) *Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF*//*Politics & Society*, no 39(3), pp. 347-378.

Webber D. (2001) *Two Funerals and a Wedding? The Ups and Downs of Regionalism in East Asia and Asia-Pacific after the Asian crisis*//*The Pacific Review*, no 14(3), pp. 339-372.

The G20, BRICS and APEC in the System of International Institutions: A Piece of Good News for Global Governance⁶

M. Larionova

Marina Larionova, PhD — Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 11 Prechistenskaya naberezhnaya, 119034 Moscow, Russia; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Abstract

The rise of new institutions in response to systemic vulnerabilities, strategic power shifts in the world economy and the slow pace of reform of existing institutions generated heated discussions over the proliferation of institutions and the subsequent fragmentation of global governance. However, this fragmentation does not mean there has been a decline in demand for global governance or reduced efficiency. On the contrary, it can be beneficial, positive and creative [Acharya, 2016].

⁶ The research was carried out with financial support of Russian Humanities Research Foundation within the framework of a research project “Models of international institutions engagement in the process of multilateral governance in the areas of macroeconomic policy, financial regulation, international trade, investment and infrastructure,” project № 15-07-00022.

Though essentially different in their missions and collective identities, the Group of 20 (G20), the BRICS grouping of Brazil, Russia, India, China and South Africa, and the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) forum each has an important role to play in promoting the inclusiveness, legitimacy and efficiency of global governance. The distinctive features of these institutions are the nature of their summitry, the character of their volunteerism and their recognition of the role of major developing countries in world economic growth and global and regional governance. They are deeply embedded within the system of international institutions and are intensely engaged with international organizations (IOs).

This engagement does not directly address the concerns over fragmentation. However, it does stimulate a division of labour which mitigates the risks of fragmentation and competition, facilitating coordination, coherence, accountability and effectiveness in global governance.

This paper examines G20/BRICS/APEC engagement with international organizations in fulfillment of their global governance functions of deliberation, direction-setting, decision-making, delivery and global/regional governance development.

The study is carried out within the paradigm of rational choice institutionalism. It draws on quantitative and qualitative analysis of documents adopted by the G20, BRICS and APEC to trace dynamics and identify their preferred models of engagement with multilateral organizations.

The article begins with a brief outline of the roles of the G20, BRICS and APEC in the system of global governance. Then it presents the analytical paradigm and methodology of the study. Applying the described methodology, it tests the key assumption that summit institutions can resort to a combination of “catalyst,” “core group” and “parallel treatment modes” in their engagement with IOs and that their preferred choice reflects their mission and role in the system of international institutions which may change over time. Reviewing the findings, this article concludes that the G20, BRICS and APEC consistently engage with IOs even while the range of organizations, the intensity, the dynamics and models of engagement differ substantially.

The G20, a premier forum for consensus-based economic cooperation, seeks to fulfill the promise of facilitating greater coherence in the system across institutions [Narlikar, Kumar, 2012, p. 389] to forge a new form of institutional collectivism. The G20 exceeds the BRICS and APEC in terms of the number of references to IOs, intensity and scope. It employs all three modes, engaging its key partners — the International Monetary Fund (IMF), the Financial Stability Board (FSB), the Organisation of Economic Co-operation and Development (OECD), the World Bank (WB), the World Trade Organization (WTO) and the International Labour Organization (ILO) — mostly as a core group across the full range of global governance functions from deliberation to delivery. The BRICS, representing a new force in global governance, strives to build a better world order for humanity through a constructive contribution to defining the rules of the game [Duggan, 2015, p. 11]. The BRICS consistently acts as a catalyst stimulating, endorsing, compelling and supporting change of the United Nations (UN), the IMF, the WB and the WTO and building a BRICS-centred institutional system. APEC as a regional premier economic forum and a vehicle of Asia-Pacific engagement in global issues [Morrison, 2014, p. 2] advances inclusive growth regionally and globally. This duality is explicit in APEC’s choice of partners, where the top ten positions are split between global and regional IOs. APEC expedites integration of regional and global agendas, facilitates coordination between regional and multilateral institutions and reinforces their mutual influence.

Jointly the G20, BRICS and APEC contribute to more effective global policy coordination. Though there is definitely room for improvement, this is indeed good news, raising hopes for the future of global governance.

Key words: G20; BRICS; APEC; global governance; international organizations; engagement models

For citation: Larionova M. (2018) The G20, BRICS and APEC in the System of International Institutions: A Piece of Good News for Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 1 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-01.

References

Acharya A. (2016) The Future of Global Governance: Fragmentation May Be Inevitable and Creative. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations* 22(4), pp. 453-460. Available at: <http://journals.rienner.com/doi/abs/10.5555/1075-2846.22.4.453?code=lrpi-site> (accessed 17 January 2017).

APEC Energy Ministers (2014) *2014 APEC Energy Ministerial Meeting*, 2 September. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Energy/2014_energy (accessed 17 January 2017).

APEC Finance Ministers (2008) *2008 APEC Finance Ministerial Meeting*, 5 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2008_finance (accessed 17 January 2017).

APEC Finance Ministers (2011) *2011 APEC Finance Ministerial Meeting*, 10 November. Available at: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2011_finance (accessed 17 January 2017).

APEC Finance Ministers (2014) *2014 APEC Finance Ministerial Meeting*, 22 October. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2014_finance (accessed 17 January 2017).

APEC Finance Ministers (2015) *2015 APEC Finance Ministerial Meeting*, 11 September. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2015_finance (accessed 17 January 2017).

APEC Finance Ministers (2016) *2016 APEC Finance Ministerial Meeting*, 15 October. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Finance/2016_finance (accessed 17 January 2017).

APEC Food Security Ministers (2010) *2010 APEC Ministerial Meeting on Food Security*, October 16. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Food-Security/2010_food (accessed 17 January 2017).

APEC Health Ministers (2015) *2015 APEC High Level Meeting On Health and The Economy*, 31 August. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Health/2015_health_hlm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (1994) *1994 Leaders' Declaration*, 16 November. Available at: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/1994/1994_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2008) *2008 Leaders' Declaration*, 22 November. Available at: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2008/2008_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2009) *2009 Leaders' Declaration*, 14 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2009/2009_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2010) *2010 Leaders' Declaration*, 13 November. Available at: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2010/2010_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2011) *2011 Leaders' Declaration*, 12 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2011/2011_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2012) *2012 Leaders' Declaration*, 08 September. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2014) *2014 Leaders' Declaration*, 11 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2014/2014_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2015) *2015 Leaders' Declaration*, 19 November. Available at: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2015/2015_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Leaders (2016) *2016 Leaders' Declaration*, 20 November. Available at: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2016/2016_aelm (accessed 17 January 2017).

APEC Ministers (2008) *2008 APEC Ministerial Meeting*, 19 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2008/2008_amm (accessed 17 January 2017).

APEC Ministers (2009) *2009 APEC Ministerial Meeting*, 11 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2009/2009_amm (accessed 17 January 2017).

APEC Ministers (2011) *2011 APEC Ministerial Meeting*, 11 November. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Annual-Ministerial-Meetings/2011/2011_amm (accessed 17 January 2017).

APEC Structural Reform Ministers (2008) *2008 APEC Ministerial Meeting on Structural Reform*, May 3. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Structural-Reform/2008_structural (accessed 17 January 2017).

APEC Trade Ministers (2014) *2014 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade*, 17 May. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2014_trade (accessed 17 January 2017).

APEC Trade Ministers (2016) *2016 Meeting of APEC Ministers Responsible for Trade*, 18 May. Available at: http://apec.org/Meeting-Papers/Sectoral-Ministerial-Meetings/Trade/2016_trade (accessed 17 January 2017).

Beeson M. and S. Bell (2009) The G-20 and International Economic Governance: Hegemony, Collectivism, or Both? *Global Governance* 15(2009), pp. 67-86.

BRIC Finance Ministers (2009a) *Joint Communiqué of the II meeting*, Horsham, United Kingdom, 14 March. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/finance%202009%201.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRIC Finance Ministers and Central Bank Governors (2009b) *Communiqué*, London, September 4. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/finance%202009.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRIC Leaders (2009) *Joint Statement*, 16 June. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/First%20Summit.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRIC Leaders (2010) *Second Summit: Joint Statement*, 16 April. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency1/Second%20Summit%202010.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRICS Labour and Employment Ministers (2017) *Declaration*, 27 July. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20MD%200725-EWG%20Meeting.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRICS Leaders (2013) *eThekweni Declaration*, 27 March. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency1/130327-statement.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRICS Leaders (2014) *Fortaleza Declaration*, 15 July. Available at: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/brazpresidency2/6th_BRICS_Summit_Fortaleza_Declaration_and_Action_Plan.pdf (accessed 17 January 2017).

BRICS Leaders (2015) *VII BRICS Summit, Ufa Declaration*, 9 July. Available at: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/Declaration_eng.pdf (accessed 17 January 2017).

BRICS Leaders (2016) *Goa Declaration*, 16 October. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/indianpresidency2/Goa%20Declaration.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRICS Leaders (2017) *Xiamen Declaration*, 4 September. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017/mEsqRkedzqYLDwXo6AbZnCkmAo9Xta3d.pdf> (accessed 17 January 2017).

BRICS Trade and Economic Ministers (2012a) *Joint Press Release of the 2nd Meeting*, New Delhi, 28 March. Available at: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/inpresidency1/Meeting_BRICS_28th_Mar_2012.pdf (accessed 17 January 2017).

BRICS Trade Ministers (2012b) *Statement*, Puerto Vallarta, Mexico, 19 April. Available at: http://www.ranepa.ru/images/media/brics/inpresidency1/brics_trade_mex.pdf (accessed 17 January 2017).

Chodor T. (2017) The G-20 Since the Global Financial Crisis: Neither Hegemony nor Collectivism. *Global Governance* 23(2017), pp. 205–223.

Drysdale P. (2010) *APEC: Achievements and Challenges in International Diplomacy*. Available at: http://www2.jiia.or.jp/kokusaimondai_archive/2000/2009-10_003e.pdf?noprint (accessed 17 January 2017).

Duggan N. (2015) BRICS and the Evolution of a New Agenda Within Global Governance. *The European Union and the BRICS* (ed. M. Rewizorski). Springer.

G20 Leaders (2008) *Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy*. Washington DC, 15 November. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2008washington/Declaration%20of%20the%20Summit%20on%20Financial%20Markets.pdf> (accessed 17 January 2017).

G20 Leaders (2009) *Global Plan for Recovery and Reform. Statement Issued by the G20 Leaders*. 2 April. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2009london/2009communique0402.pdf> (accessed 17 January 2017).

G20 Leaders (2016) *G20 Leaders' Communique Hangzhou Summit*, 5 September. Available at: <http://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/G20%20Leaders%E2%80%99%20Communique%20Hangzhou%20Summit.pdf> (accessed 17 January 2017).

Hall P. and R. Taylor (1996) Political Science and the Three Institutionalisms. *Political Studies* 44, pp. 936–957.

Independent Commission on Trade Policy (2017) *Charting a Course for Trade and Economic Integration in the Asia-Pacific*. Available at: <http://asiasociety.org/policy-institute/charting-course-trade-and-economic-integration-asia-pacific> (accessed 17 January 2017).

Kahler M. (2017) Regional Challenges to Global Governance. *Global Policy* 8(1), pp. 97–100.

Kirton J. J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.

Larionova M. (2016) Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 1, pp. 126–152 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845/2016-01-126.

Larionova M. (2016) “Assessing Summit Engagement with Other International Organizations in Global Governance.” *International Organisations Research Journal*, no 11(1), pp. 126–152. DOI: 10.17323/1996-7845/2016-01-126.

Larionova M. (2017) G20: Engaging with International Organizations to Generate Growth. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 54–86 (in Russian and English). DOI:10.17323/1996-7845-2017-02-54.

Morrison C. (2014) *The Asia-Pacific Cooperation Agenda: Moving from Regional Cooperation Toward Global Leadership*. Available at: <http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/api116.pdf?file=1&type=node&id=34796> (accessed 17 January 2017).

Narlikar A. and R. Kumar (2012) From Pax Americana to Pax Mosaica? Bargaining over a New Economic Order. *The Political Quarterly*, no 83(2), pp. 384–394. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467-923X.2012.02294.x/abstract> (accessed 17 January 2017).

Niu H. (2013) *BRI CS in Global Governance. A Progressive and Cooperative Force?* Available at: <http://responsibilitytoprotect.org/FES%20BRICS%20in%20Global%20Governance.pdf> (accessed 17 January 2017).

Öniş Z. and A. B. Güven (2011) The Global Economic Crisis and the Future of Neoliberal Globalization: Rupture Versus Continuity. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*, no 17(4), pp. 469–488. Available at: <http://journals.rienner.com/doi/abs/10.5555/1075-2846-17.4.469?journalCode=ggov> (accessed 17 January 2017).

Putnam R. and N. Bayne (1987) *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. London: Sage Publications.

Rosamond B. (2000) *Theories of European Integration*. London: Palgrave Macmillan.

Rudd K. (2016) *India's APEC Opportunity. Remarks at the launch of ASPI's report India's Future in Asia: The APEC Opportunity*. Available at: <http://asiasociety.org/policy-institute/kevin-rudd-indias-apec-opportunity> (accessed 17 January 2017).

Safonkina E. (2017) Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC): Models of Engagement with International Institutions in the Process of Regional Governance. *Vestnik RUDN. International Relations*, no 17(1), pp. 122-136. DOI: 10.22363/231306602017171122136. (In Russian).

Shelepov A. (2015) BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no 4, pp. 7-28 (in Russian and English). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.

Skak M. (2011) *The BRIC Powers as Soft Balancers: Brazil, Russia, India and China*. Available at: http://www.brics.utoronto.ca/biblio/Skak_2011.pdf (accessed 17 January 2017).

Strauss-Kahn D. (2011). "Global Challenges, Global Solutions" – an Address at George Washington University, 4 April. Available at: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp040411> (accessed 17 January 2017).

Wade R.H. (2011). Emerging World Order? From Multipolarity to Multilateralism in the G20, the World Bank, and the IMF. *Politics & Society*, no 39(3), pp. 347-378.

Webber D. (2001). Two funerals and a wedding? The ups and downs of regionalism in East Asia and Asia-Pacific after the Asian crisis. *The Pacific Review*, no 14(3), pp. 339-372.